

УДК 81'42

МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕКСТОВ В.Н. КРУПИНА**THE MENTAL REPRESENTATIONS OF THE V.N. KRUPIN'S TEXTS****М.Ю. Покручина**
M.Y. Pokruchina

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015,

Белгород, ул. Победы, 85 Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: pokruchina@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются ментальные репрезентации концептов «Память», «Детство», «Вера» на примере текстов В.Н. Крупина «Бумажные цепи», «Босиком по голубому небу», исследуется процесс формирования лексико-семантического наполнения лингвокультурных концептов, который обусловлен не только общекультурными ценностями, но и национально-культурной спецификой языка, системой аксиологических особенностей, характерных для русской ментальности.

Abstract

In article mental representations of texts by V. N. Krupin «The first word», «Barefoot in the blue sky», concepts Memory, Childhood, Faith and their explication in the story are considered. Process of formation of lexic and semantic filling of linguocultural concepts is caused not only common cultural values, but also national and cultural specifics of language, system of the axiological values characteristic of the Russian mentality.

Ключевые слова: текст, концепт, память, детство, вера, национально-культурная специфика.**Keywords:** text, concept, memory, childhood, faith, national and cultural specifics.

Введение

Текст, будучи центральным объектом филологических исследований, предполагает множественность интерпретаций, обусловленных различными подходами к изучению, сложностью и многоаспектностью данного лингвистического феномена. В связи с неоднозначностью термина пристальное внимание лингвистики XXI века к тексту и вопросам его осмысления является вполне оправданным. Наряду с антропоцентрическим, когнитивным, лингвокультурологическим и коммуникативно-прагматическим, текстоцентрическое направление языкознания сегодня остается одним из приоритетных.

Став особым объектом изучения языкознания лишь в 50-70 годах XX века, текст, тем не менее, существовал задолго до этого. Первоначально теория текста восходит к таким областям знания, как риторика и филология. Еще Аристотель, рассуждая о важной функции текста, признавал, что именно текст «и есть конечная цель всего». Существовавшая в эпоху поздней античности филология в донаучный период определяла следующий круг задач: анализ условий возникновения текста, особенности вхождения текста в культуру, закономерности его понимания и истолкования. Таким образом, еще в донаучный период наметились два подхода к изучению текста: текст как цель и текст как существующая реалья.

Лингвисты XIX века обращались к тексту как к объекту синтаксического исследования, посвящая научные труды его структуре и особенностям архитектоники. В частности, Л.В. Щерба отводил текстам, на первый взгляд, служебную роль, отождествляя их с языковым материалом, цель которого заключается в следующем: «все языковые величины, которыми мы оперируем в словаре и грамматике», «могут выводиться» из текста [1, с. 26].

В 20-30 годах XX века интенсивно разрабатывается лингвистическая поэтика, к исследованию текста обращаются представители «русского формализма» и структурализма: Б.М. Эйхенбаум, Б.В. Томашевский, Р.О. Якобсон, Г.О. Винокур, В.Б. Шкловский, В.В. Виноградов, который предлагал исследовать, в первую очередь, символику текста. Символ рассматривается В.В. Виноградовым в качестве предельной структурной единицы литературного произведения.

В 40-50 годы наблюдается переход от изучения структурной организации текста к исследованию его словесной и образной организации, что подтверждается рядом работ М.Б. Борисовой, П.Г. Пустовойта, Д.Н. Шмелева и др.

Лингвистика 60-х годов ознаменовалась интенсивным изучением различных знаковых систем. Однако в то же время продолжалось изучение текста и с иных позиций. М.М. Бахтин в своих исследованиях характеризовал текст как первичную данность философско-гуманитарного мышления, непосредственную действительность мысли и переживания и обозначил круг вопросов, связанных с порождением текста, его диалогичностью, отношением к системе языка и мышлению. Ю.М. Лотман осмысливал имманентность текста культуре: «...культура есть совокупность текстов или сложно построенный текст» [2, с. 436].

В 70-80 годах XX века учение о тексте становится самостоятельным лингвистическим направлением науки, появляются лингвистика текста, грамматика текста, стилистика текста, теория текста, герменевтика текста и многие другие. Главное отличие при изучении текста в данный период – обращение к нему не как к сложному синтаксическому целому, сочетанию предложений, но как к целостному образованию, имеющему в своей основе интра- и экстралингвистические факторы. Таким образом, текст осознается как «двунаправленное» понятие: единица, «формирующая высший уровень языка» и одновременно «принадлежащая речевой коммуникации» [3, с. 12].

В современном языкознании текст изучается в русле антропоцентрической парадигмы, формируется коммуникативный подход к тексту. Н.С. Болотнова определяет текст как «речевое произведение, концептуально обусловленное (т.е. имеющее концепт, идею) и коммуникативно ориентированное в рамках определенной сферы общения, имеющее нормативно-смысловую и прагматическую сущность» [4, с. 104]. Таким образом, в центре произведения всегда будет находиться определенный концепт, отражающий авторский замысел и формирующий целостность текста. Однако следует учесть, что текст ориентирован на адресата, несет определенную информацию и обладает эффектом воздействия (прагматикой). Именно эти особенности текста прослеживаются в полной мере в рассказах В.Н. Крупина «Бумажные цепи» и «Босиком по голубому небу».

Владимир Николаевич Крупин – русский писатель-прозаик, примечательно, что его произведения проникнуты любовью к простым людям, тягой к естественности, истине. Особое место в его тезаурусе занимают рассуждения о семейных ценностях, мотивы покаяния как пути к православию.

Основная часть

В рассказе В.Н. Крупина «Бумажные цепи» герой вспоминает о новогодних праздниках своего детства. Смыслообразующими для данного текста являются концепты «Детство» и «Память», тесно взаимосвязанные между собой. Смысловая корреляция эксплицирована уже в названии текста: бумажные цепи одновременно являются и реалией

детства героя, и символом памяти, нерушимой связи настоящего с прошлым, человека с его семьей и родом.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова дано следующее узуальное значение детства[5]:

Ранний, до отрочества, возраст; период жизни в таком возрасте. *Счастлиное д. Друг детства. Провести д. в деревне. Впасть в д.* (от старости потерять рассудок). *Д. человечества* (перен.). | прил. **детский**, -ая, -ое. *Д. возраст. Детские годы.*

Заметим, что закрепленное словарное значение не отражает сущности концепта, а лишь дает темпоральную характеристику, в то время как *Детство* можно считать полноценным категориальным концептом, не ограниченным лишь временными маркерами.

Более подробная дефиниция детства дана в энциклопедическом словаре основ духовной культуры В.С. Безруковой [11, с. 228]:

Детство – начальный этап развития человека от рождения до 17 лет, этап общего развития, роста, становления в человеке личности. В то же время детство – это самостоятельный самоценный культурологический феномен, имеющий особое назначение в жизненном пространстве человека.

В данном произведении детство изображается как лучшее состояние человека, нравственная категория, подразумевающая сохранение чистоты, искренности, естественности. Концепт «Детство» репрезентируется в данном тексте с помощью предметно-образного и аксиологического компонентов.

Предметно-образная составляющая концепта невербальна и понимается в качестве целостного обобщенного представления в сознании индивида, ассоциирующегося с каким-либо предметом, событием, качеством. Предметно-образный компонент концепта «Детство» в тексте В.Н. Крупина «Бумажные цепи» репрезентируется в следующих образах:

- праздник: *Новый год, семья, ёлка, бумажные цепи, керосиновая лампа;*
- семья: *мама, папа, старшая и младшая сестры, тетки, родня;*
- новогодние игрушки: *картонная курочка, клоун, самолетик, фонарики, «снег», гирлянды;*
- сласти: *мамины плюшки, ватрушки, зимнее мороженое молоко, пёстрые пузырчатые блины;*
- подарки: *печенишко, конфеты-подушечки, булочка в упаковке из газет;*
- игры: *морской бой, города, пуговки, хороводы;*
- образы природы: *ликующее солнце, мороз, снег.*

Несмотря на разнородность, данные образы обладают единым свойством – простотой, являющейся важным ментальным маркером русского характера. Простота жизни, праздника, игрушек детства неоднократно подчеркивается автором при помощи сравнения с современной жизнью, чтобы доказать, что именно детство – это «лучшее состояние человека, наиболее богатое и полное, развивающее природные возможности, состояние наиболее естественное, чистое, открытое, непорочное» [11, с. 228]. *Ср.: «Детство сильнее всей остальной жизни. Да, сильнее. Хочу в детство, хочу бежать босиком к реке, хочу помогать взрослым»,* – герой прямо говорит об особой роли детства в своей жизни, признает его лучшим временем, мечтает вернуться в прошлое.

Предметно-образная составляющая концепта «Детство» представлена с помощью многочисленных лексем, объединенных в памяти автора с помощью образа Нового года, каждая из них приобретает коннотативное значение и для автора, и для читателя.

Так, об игрушках в рассказе повествует следующее: *«Ёлочных игрушек у нас было мало – терялись куда-то. Вот была картонная курочка, бронзовая, с крохотным красным гребешком, а – принесли из чулана коробку с игрушками, разбираем – нет курочки... Потерянная курочка становилась ещё дороже именно от того, что была потеряна».* В данном контексте актуализируется внимание на простоту ёлочных игрушек: курочка

сделана из картона, но от этого она не становится менее дорогой для детей, ее потеря расценивается как утрата чего-то важного и ценного. Но разочарование не могло быть долгим, впереди новые предпраздничные хлопоты: *«В заботах о новой ёлке курочка забывалась. Да если бы она и не пропала, всё равно надо делать новые игрушки. И фонарики, и цветы, и «снег», и флажки. Оказывается, отец уже приготовил старые газеты, пузырёк клея, кисточку, краски. Все хотели клеить кисточкой, ссорились»*. Ценность игрушек из детства героя связана с тем, что при их создании дети испытывали чувство радости и гордости, делая новые игрушки, в которые вкладывалась душа. И, будучи взрослым, автор понимает важность этого процесса, который объединял всю семью. Таким образом, лексема игрушки приобретает коннотацию истинной ценности.

Обязательным компонентом детства и Нового года для героя была семья, что репрезентируется частотным использованием лексем *сестры, родители, мама, папа*, с которыми связаны лучшие воспоминания. Следовательно, предметно-образная составляющая текста преобразуется в аксиологическую, маркируется ценность семьи и родственных связей. Так, например, отец вспоминает фрагменты собственного детства: *«Один раз тятя поехал на Тихорецкую ярмарку, – начинал отец. Мы уже знали, о чём будет рассказ, о французской булке, но с радостью слушали, таких булок мы не едали. – Поехал и привёз всем калачей, сушек, а мне ещё отдельно французскую булку. Бабушка говорит: «Съешь, Колюшка, половинку сейчас, а вторую половинку завтра». И разрежала булку. А мне это так обидно показалось, говорю: «Защивай, и всё!»*.

Следующий компонент, который у героя ассоциируется с Новым годом, – «снег». *«И оставшуюся цветную бумагу, и промокашки резали мелко-премелко, потом в большом блюде этот «снег» – название «конфетти» мы узнали позже – этот «снег» перемешивался, брат опять залезал на табуретку, я на вытянутых над собой руках держал блюдо, брат пригоршнями черпал из него и обдавал нашу ёлочку как будто дождём»*. Ценность данной номинации заключается в том, что «снег» делался детьми и завершал украшение ёлки. Итак, можно говорить о том, что ведущей концептуальной составляющей детства является предметно-образная, поскольку именно образы наиболее прочно запечатлеваются в сознании человека в юном возрасте, и лишь впоследствии преобразуются в ценностную сущность.

Аксиологический компонент концепта «Детство» отражает ценностные и оценочные характеристики, «эксплицирует ценностно-смысловые регистры базовых концептов русской культуры» [6, с. 81].

В рассказе «Бумажные цепи» подчеркиваются такие ценностные характеристики, как:

- трудолюбие. Практически все игрушки сделаны семьей самостоятельно, герой со старшим братом сами идут за елкой, дети и взрослые участвуют в ее украшении: *«Младшие улепляли игрушками подол ёлочки, мне доставались ветки повыше, маме ещё повыше, брат залезал на табуретку и украшал самый верх. Сестра подавала ему игрушки и командовала. Отец осуществлял общее руководство»*;

- уважение к старшим, прошлому. Дети внимательно слушают рассказ отца о ёлках в его детстве, хотя слышат его не первый раз: *«Отец начинал рассказывать, какие ёлки были в его детстве. Мы это, конечно, слышали»*;

- ценность семьи и рода. Герой обращается не только к личным воспоминаниям, но и к воспоминаниям отца. Важнейший символ рассказа – бумажные цепи, *«именно этими бумажными цепями я не ёлочку украшал – я себя приковывал к родне, к детству»*.

Универсальные признаки концепта «Память» кодифицированы, денотативное значение памяти, согласно толковому словарю русского языка Д.Н. Ушакова [7], таково:

1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления. Острая память. «Рыцари хотят послушать твоих песен, коли страх не отшиб у тебя памяти» Пушкин. «Память может изменить вам» Чернышевский. Зрительная память. Находясь в здравом уме и твердой памяти (формула завещания; устар.). Лишиться памяти.

|| Запас хранимых в сознании впечатлений. Ушло из памяти. Свежо в памяти. Врезаться в память.

2. Воспоминание о ком-чем-н. Чтить память борцов за революцию. Оставил о себе добрую память. В память наших встреч. Памяти друга и товарища (заглавие некролога). Светлой, печальной, блаженной, мрачной, недоброй и т. п. памяти (употр. как определение или приложение при воспоминании о ком-чем-н. для выражения какого-н., указанного прилагательным, отношения). Подарить на память (для того, чтобы сохранялось воспоминание).

3. Церковная служба, установленная на известный день в честь какого-н. святого, а также самый этот день (церк.). День памяти или память Александра Невского.

|| Поминание умершего в день его смерти, а также самый этот день (разг. церк.). Память по отце. Сегодня – память отца.

4. Запись или книжечка с записями о чем-н., что нужно помнить (устар.).

5. Деловое отношение, предписание (старин.).

Французский философ А. Конт-Спонвиль предлагает, однако, вносить важное уточнение, говорить о памяти, как об осознании «прошлого в настоящем, как в потенции (способность), так и в действии (запоминание или припоминание). Как и любая форма сознания память актуализируется через призму способности воспринимать прошлое в качестве прошлого – иначе мы имели бы дело не с памятью, а с галлюцинацией. Память – это актуальное осознание того, чего больше нет, в силу того, что оно было» [12, с. 388]. Таким образом, память понимается как культурно и ментально обусловленная когнитивная связь между прошедшим и настоящим.

Память, будучи концептуально обусловленной лексической единицей, обладает ментальными, национально-культурными и индивидуальными особенностями. Именно эти аспекты памяти ярко проявляются в художественных текстах, так как при включении в контекст «языковая репрезентация памяти на основе уже сложившейся у читателя образной картины мира получает эмоциональную, экспрессивную, оценочную окрашенность и отражается посредством вербализации этнокультурной и авторской коннотации, обусловленной вторичными переживаниями субъективно значимых фрагментов действительности» [13, с. 22].

В данном тексте память интерпретируется как субъективное воспоминание, связанное с детством и его образами. Когнитивная пропозиция обусловлена эпизодом из детства – новогодним праздником, символ которого – бумажные цепи – эксплицирует неразрывную связь с детством и родными людьми. Отметим, что лексема *цепи* в данном контексте теряет отрицательную коннотацию чего-то ограничивающего и приобретает лишь положительное коннотативное значение средства связи с прошлым. *Ср.: «именно этими бумажными цепями я не ёлочку украшал – я себя приковывал к родне, к детству. И приковал. Приковал так крепко, что уже не откуюсь. Многие другие цепи рвал, эти не порвать. И не пытаюсь, и счастлив, что они крепче железных».* Цепи приобретают коннотацию вечного счастья, их невозможно порвать, они крепче железных. Таким образом, данное словосочетание в тексте подвергается смысловой трансформации, происходит вторичное восприятие, в результате чего возникает новый временной пласт, отражающий ментальную и культурную ступень прошлого, его специфику восприятия реальности, ибо «...воспроизведённый временной объект, если можно так сказать, не основывается более на восприятии. Он отделился от него. Он в самом деле остался в прошлом. И тем не менее он присоединяется, следует за настоящим, как хвост кометы» [14, с. 61], поэтому и когнитивное пространство концепта «Память» в рассказе В.Н. Крупина «Бумажные цепи» репрезентирует многомерные ценностно-смысловые коды.

Вербализация концепта «Память» в тексте достигается посредством рамочной композиции: воспоминания о детстве находятся «внутри» рассказа автора, прошлое

становится не просто «прошлым в себе», оно имманентно связано с настоящим, с жизнью героя. Аксиологичность как семантико-стилистическая категория репрезентирует идиостиль автора: *«с годами всё обострённее вспоминается детство», «в моей жизни всё прошло», «бумажными цепями я не ёлочку украшал – я себя приковывал к родне, к детству».*

Таким образом, в данном тексте концепт «Память» эксплицируется как связь с прошлым, порождается особый смысл, контекст создает коннотативное поле и трансформируется в чувственное восприятие. Память становится связующим звеном не только между прошлым – настоящим героя, но и между героем – автором – читателем.

Смыслообразующими для рассказа В.Н. Крупина «Босиком по голубому небу» являются концепты «Детство» и «Вера». Рассказ представляет собой историю, услышанную героем от матери. Однако концепт «Детство» в данном тексте репрезентируется иначе, нежели в тексте «Бумажные цепи»: автор поднимает тему духовного опыта детства, показывает неразрывную связь ребенка с родителями и родиной. Именно чувство родства, по мнению В.Н. Крупина, наполняет судьбу человека и одаривает его светом жизни и любви. Начинается этот процесс духовного обмена в колыбели, в семье, поэтому «детство больше всей остальной жизни. Детство – главное время нашей жизни» [15, с. 5].

Отметим, что данное произведение имеет два варианта. В первом, более кратком, созданном В.Н. Крупиным в 2006 году, рассказ оканчивается предложением *«Ах! – сказал я, – вот бы вернуться бы в детство, да постоять бы еще в том углу»*, свидетельствующим о ведущей роли детства в жизни человека. Однако уже в 2010 году в сборнике «Легкие облака» появляется еще одно предложение: *«Сейчас уже у тебя другое стояние. – Мама показала на красный угол, в котором были иконы»*, – где актуализируется смысл веры, судьбы и жизненного пути человека.

Благодаря рамочной композиции читатель вместе с автором погружается в произведение, анализирует детские поступки героя и испытывает противоречивые чувства под воздействием воспоминаний: *«Этот рассказ я слышал от мамы... я очень любил этот рассказ и каждый раз слушал с какой-то тихой радостью и грустью».* Дальнейший текст подтверждает, что сочетание антиномичных чувств вызвано, с одной стороны, любовью к матери и родине, счастливыми воспоминаниями героя о прекрасном времени, и с другой стороны, тоской о счастливом времени жизни, ведь именно детство, по мнению В.Н. Крупина, – главное время. Таким образом, в данном тексте поднимаются вопросы духовного воспитания и нравственной чистоты человека.

Концепт «Детство» эксплицирует особый перцептивный образ и наглядно-чувственное представление. Предметный компонент концепта «Детство» в рассказе «Босиком по голубому небу» включает категории *Труд* и *Природа*. Категория *Труд* репрезентируется в следующих образах: сенокос, огород, куры, грядки, вилы, грабли, косы, лён. Однако в тексте дается не только предметно-образная характеристика, но и присутствует оценка: *«Вы у меня не избалованные были, не ленивые. Иду на сенокос или куда, кого позову, тот и пойдет. Другие тоже просят. Говорю: а огород на ком? А кто корову встретит, кто кур загонит, кто грядки польет? Распределю всех, сама хлебушка возьму, молока бутылку и идем с тобой. Ты на сенокос всегда просился. Терпеливые вы были. Жара, комарье, идти далеко, тащить надо и вилы, и грабли, и косы, вы хоть бы что. Совсем мал, лет пять-шесть, а идешь».* Следовательно, можно говорить о том, что основой детской жизни героя был труд как естественное состояние человека, помощь матери с самых малых лет. Категория *Природа* включает образы жары, комарья, льна, родника, с которыми герой текста постоянно взаимодействует, что свидетельствует о тесной связи человека и природы и её важности для гармоничного развития.

Таким образом, предметно-образная составляющая концепта способствует созданию целостного наглядно-чувственного представления о детстве. Особую роль

играет перцепция льна: автор использует не только прямое значение, но и создает когнитивную метафору: *льняная рубашка – льняные одежды*.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова дана следующая дефиниция:

ЛЁН, льна (льну), муж.

1. Травянистое растение, из стеблей которого получают прядильное волокно, а из семян масло. Л.-долгунец. Л. любит поклон (посл. о трудностях его выращивания и ручной уборке). Волосики как л. (светлые и очень мягкие).

2. Ткань, изделие из такого волокна. Л. на постельное бельё. Летом в моде л.

| прил. льняной, -ая, -ое и льновыи, -ая, -ое (спец.). Льняная ткань. Льняное масло. Семейство льновых (сущ.) [5].

Полное соответствие данному определению прочтем в тексте: *«никогда не забыть, около Воронья, помнишь, конечно, деревня была, уж, может, и не жива, огромное поле и все было засеяно льном. А уж как лен цветет, это немногие помнят. Такой голубой цвет, даже лазоревый, будто все поле как море»*, – однако в данном контексте автор не довольствуется прямым значением; используя колоративы *голубой, лазоревый* и сравнение *как море*, он создает перцептивный чувственный образ, погружая читателя и героя в прошлое, в детство. Будучи ребенком, герой в большей степени воспринимает именно красоту льна, мечтает о прекрасной льняной рубашке: *«Я такую рубашку хочу. Она голубая будет?... Нет, я такую хочу, как поле. Я в поле приду, и меня никто не увидит. Буду как поле»*.

Слова матери о льне связаны с трудом как основой жизни: *«Я уж тебе рассказала, и как его теребят, и вымачивают, и треплют, и мнут, и очищают, как чешут, потом прядут, ткнут, а там и рубашки шьют»*.

Заметим, что лён в сознании ребенка выступает в качестве живого существа, что является еще одной концептуальной особенностью феномена детства: *«Цветочки не опали, - говорю, - они спать легли. Они глазки закрыли. Как ты ложишься спать, закрываешь глазки, так и они. А утром проснутся»*, – данная особенность находит воплощение не только в тексте В.Н. Крупина, но также в рассказах А.П. Платонова «Никита», И.С. Тургенева «Бежин луг», повести М.М. Пришвина «Кладовая солнца», что позволяет говорить о таком признаке концепта «Детство» как одушевленность всех окружающих предметов.

Ценностный компонент концепта «Детство» в данном рассказе становится ведущим: детство понимается, с одной стороны, как чудесная жизненная пора, когда человеку близок весь мир, актуализируется концепция естественного человека, с другой стороны, детство изображается как важнейший этап формирования духовно-нравственных основ. Именно духовности уделяет большое внимание В.Н. Крупин в своих произведениях, особую важность в текстах приобретает репрезентация концепта «Вера».

По мнению Ю.С. Степанова, «вера – концепт уникальный» [16, с. 75]. В словаре С.И. Ожегова [5] дана следующая дефиниция:

1. Убежденность, глубокая уверенность в ком-чём-н. В. в победу. В. в людей.

2. Убежденность в существовании Бога, высших божественных сил. В. в Бога.

3. То же, что вероисповедание. Христианская в. Человек иной веры.

Таким образом, вера понимается как внутреннее состояние каждого человека, «некая духовная реальность, которая не описывается, но лишь переживается» [16, с. 76]. Именно переживания как основа формирования веры и показаны в рассказе «Босиком по голубому небу».

В тексте В.Н. Крупина концепт «Вера» репрезентируется с помощью когнитивных метафор *небушко на земле* и *льняная рубашка – льняные одежды*, подробно изображаемых автором: *«Помню, что однажды мы пошли обратно пораньше и шли, когда лен еще цвел, а обернулся с горы и – нет небушка на земле. Будто лежало на земле огромное зеркало, а к вечеру его закрыли. А лен наши даже в «Откровении» Иоанна Богослова упоминается»*.

Перед Страшным Судом выйдут семь ангелов, одетых в льняную одежду и опоясанные золотыми поясами и выльют на землю семь чаш гнева Божия. Так не помнишь, была у меня рубашка из льна?». Прецедентный текст из Откровения Иоанна Богослова выполняет функцию репрезентации культурно-религиозной памяти. В таком контексте название рассказа приобретает двойственное значение:

а) в буквальном смысле «Босиком по голубому небу» – босиком по полю льна, цветущего голубыми цветами, подчеркивается такая реальность детства героя, как бедность: *«Бедно же жили, вы все лето босиком. Так босиком и бегал по льну»*;

б) детство понимается как этап наибольшей близости человека к Богу. В Библии в книге пророка Иеремии читаем следующие строки: «...прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя», в которых говорится, что Бог знает дитя еще до рождения и освящает его, тем самым можно говорить об особой святости, освященности детей, близости их к Богу, к небу, что подчеркивается в названии рассказа «Босиком по голубому небу».

Православный автор Иоанн Дамаскин говорит о двоякости веры: «Вера, конечно, двояка: потому что есть вера от слуха (см. Рим. 10, 17). Есть же, с другой стороны, вера – уповаемых извещение, вещей обличение невидимых (Евр. 11, 1) или непоколебляющаяся и неиспытующая надежда как на то, что обещано нам Богом, так и на счастливый успех наших прошений. Первая вера, конечно, составляет принадлежность нашей воли, вторая же принадлежит к дарам Духа» [17, с. 111]. Непосредственно о втором значении Веры идет речь в рассказе В.Н. Крупина: в Библии одежда означает одежду праведности, которую получили верой, таким образом, ангелы, *«одетые в льняную одежду и подпоясанные золотыми поясами»*, символизируют веру в Бога, которую человек должен сохранять в любых испытаниях. *«Семь чаш Гнева Божия»* выражают идею непостижимости Божьего замысла и необходимости смирения человека перед Богом. Символическое значение приобретает вопрос героя: *«Так не помнишь, была у меня рубашка из льна?»*, – так как согласно Библии только одетые в одежду веры могут войти в Царство Божие.

Вера тесно связана с совестью, смирением: *«Ты какой-то смиренный был. Раз тебя за что-то в угол поставила, никогда я вас пальцем не тронула. Поставила и забыла, захопоталась. Уж к обеду зашла в избу – ты стоишь. Я ахнула, а ты говоришь: «Мама, ты меня лучше накажи, а из угла выпусти»*. Просьба ребенка, чтобы мать его наказала, но не заставляла стоять в углу, думать о совершенном проступке, вызвана муками совести, испытываемыми мальчиком и представляющимися более страшным наказанием, нежели материнское. Будучи взрослым человеком, герой мечтает вернуться в детство, в тот самый угол, но сейчас у него *«уже другое стояние. – Мама показала на красный угол, в котором были иконы»*. В словаре основ духовной культуры красный угол дефинируется следующим образом [11, с. 392]: центральное место в доме православного христианина. Это самое почетное место около «красного окна», обращенного на улицу, как бы в «мир». В красном углу висит иконостас, здесь размещается обеденный стол и «красная лавка» для гостей. Его называют еще «передний угол». Для него, как правило, отводят угол избы, обращенный на юго-восток, откуда «входит в дом» солнце. По русским обычаям каждый угол в доме имел строго свое назначение: второй – это кут, третий – печной, четвертый – дверной, задний. Красный угол – это старший в доме, его центр, его смысл, его обращенность к людям, миру и, главное, Богу.

Следовательно, автор показывает личную ответственность, совесть человека перед самим собой, другими людьми и, главное, перед Богом за все совершенные проступки. Таким образом, в данном тексте концепт «Вера» репрезентируется как основа духовности, совесть человека, смирение, контекст создает коннотативное поле и трансформируется в чувственное восприятие.

Заключение

Изучив ментальные репрезентации текстов В.Н. Крупина «Первое слово», «Босиком по голубому небу», можно сделать следующие выводы:

1) концепт «Детство» является смыслообразующим для рассказов «Бумажные цепи», «Босиком по голубому небу» и понимается как «главное время», обладает одновременно предметно-образной и ценностной составляющими;

2) концепт «Детство» находится в тесной связи с концептами «Память» и «Вера», актуализирует связь с прошлым, порождает имплицитные смыслы и создает коннотативное поле, которое трансформируется в чувственное восприятие.

3) концепт «Память» репрезентируется не только между прошлым – настоящим героя, но и между героем – автором – читателем и становится смысловым центром содержания;

4) концепт «Вера» в рассказе «Босиком по голубому небу» эксплицирован через концепт «Детство», так как именно в этом возрасте закладываются основы духовности каждого человека. По мнению В.Н. Крупина, сохранение желания в суе и быте взрослой жизни вспоминать детство, где можно бегать «босиком по небу», и есть «воспитание души» [18, с. 395].

Лексико-семантическое пространство культурных концептов «Детство», «Память», «Вера» обусловлено не только общекультурными ценностями, но и национально-культурной спецификой, системой аксиологических ценностей, характерных для русской ментальности. Таким образом, ментальные репрезентации текстов В.Н. Крупина способны отражать определенную национально и ментально обусловленную картину мира и выступать в качестве идентификатора национального характера.

Список литературы References

1. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

Shcherba, L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' / L.V. SHcherba. – L.: Nauka, 1974. – 428 s.

2. Лотман, Ю.М. Семiosфера. Культура и взрыв. Среди мыслящих миров / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.

Lotman, YU.M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Sredi myslyashchih mirov / YU.M. Lotman. – SPb.: Iskusstvo – SPB, 2000. – 704 s.

3. Земская, Ю.Н. Теория текста: учебное пособие / Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова, Н.В. Панченко, А.А. Чувакин. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 132 с.

Zemskaya, YU.N. Teoriya teksta: uchebnoe posobie / YU.N. Zemskaya, I.YU. Kachesova, L.M. Komissarova, N.V. Panchenko, A.A. SHuvakin. – M.: Flinta, Nauka, 2010. – 132 s.

4. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие / Н.С. Болотнова. – 4-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 520 с.

Bolotnova, N.S. Filologicheskij analiz teksta: uchebnoe posobie / N.S. Bolotnova. – 4-e izd. – M.: Flinta, Nauka, 2009. – 520 s.

5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. доп. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.

Ozhegov, S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / S.I. Ozhegov, N.YU. SHvedova. – 4-e izd. dop. – M.: Azbukovnik, 2000. – 940 s.

6. Озерова, Е.Г. Прецедентное имя как отражение духовности в русской поэтической прозе / Е.Г. Озерова // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – №1. – С. 78-82.

Ozerova, E.G. Precedentnoe imya kak otrazhenie duhovnosti v russkoj poehticheskoy proze / E.G. Ozerova // Vestnik VGU. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2012. – №1. – S. 78-82.

7. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2008. – 1239 с.
Ushakov, D.N. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 180000 slov i slovosochetaniy / D. N. Ushakov. – M.: Al'ta-Print, 2008. – 1239 s.
8. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое): учебное пособие / Г.Я. Солганик. – М.: Высшая школа, 1973. – 214 с.
Ushakov, D.N. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 180000 slov i slovosochetaniy / D. N. Ushakov. – M.: Al'ta-Print, 2008. – 1239 s.
9. Tannen, D. Talking voices. Repetition, dialogue, and imagery in conversational Discourse. 2 Edition. / D. Tannen. – Cambridge/UK: Cambridge University Press, 2007. – 233 p.
10. Шанский, Н.М. Современный русский язык: учебное пособие для студентов в 3-х ч. Ч.2. Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
SHanskij, N.M. Sovremennyy russkij yazyk: uchebnoe posobie dlya studentov v 3-h ch. CH.2. Slovoobrazovanie. Morfologiya / N.M. SHanskij, A.N. Tihonov. – 2-e izd. – M.: Prosveshchenie, 1987. – 256 s.
11. Безрукова, В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В.С. Безрукова. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 937 с.
Bezrukova, V.S. Osnovy duhovnoj kul'tury (ehnciklopedicheskij slovar' pedagoga) / V.S. Bezrukova. – Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2000. – 937 s.
12. Конт-Спонвиль А. Философский словарь /Конт-Спонвиль А. // Пер. с фр. Е.В. Головиной. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.
Kont-Sponvil' A. Filosofskij slovar' /Kont-Sponvil' A. // Per. s fr. E.V. Golovinoj. – M.: EHterna, 2012. – 752 s.
13. Озерова, Е.Г. Когнитивные аспекты апперцепции памяти / Е.Г. Озерова, Н.В. Попиль // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2015. – №6(203), вып.25. – С. 21-27.
Ozerova, E.G. Kognitivnye aspekty apperceptcii pam'yati / E.G. Ozerova, N.V. Popil' // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2015. – №6(203), vyp.25. – S. 21-27.
14. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
Rikyor, P. Pamyat', istoriya, zabvenie / P. Rikyor – M.: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2004. – 728 s.
15. Крупин В.Н. Босиком по небу: книга о детях для детей и взрослых / В.Н. Крупин. – М.: Сибирская Благозвонница, 2009. – 287 с.
Krupin V.N. Bosikom po nebu: kniga o detyah dlya detej i vzroslyh / V.N. Krupin. – M.: Sibirskaya Blagozvonnica, 2009. – 287 s.
16. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
Stepanov YU.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya / YU.S. Stepanov. – M.: SHkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1997. – 824 s.
17. Дамаскин И. Точное изложение православной веры / И. Дамаскин. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2003. – 111 с.
Damaskin I. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoj very / I. Damaskin. – M.: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrua, 2003. – 111 s.
18. Крупин В.Н. Лёгкие облака: книга о родине / В.Н. Крупин. – Киров: О-Краткое, 2010. – 400 с. – (Антология вятской литературы; т. 12).
Krupin V.N. Lyogkie oblaka: kniga o rodine / V.N. Krupin. – Kirov: O-Kratkoe, 2010. – 400 s. – (Antologiya vyatskoj literatury; t. 12).